

© 2021. В. К. Зантария
Академия наук Абхазии
г. Сухум, Абхазия

Предостерегая от «академической книжности»: из истории перевода на абхазский язык русской классической литературы

Аннотация: В статье рассматривается опыт абхазских переводчиков, литераторов и ученых по переводу русской классики на абхазский язык. Показывается, что художественный перевод в Абхазии развивался поэтапно и параллельно с отечественной литературой, становясь ее составной частью, раскрывая потенциальные выразительные возможности родного языка. Кратко описывая наследие основоположника абхазской литературы Д. И. Гулия, занимавшегося в начале XX в. переводом богослужебной литературы, автор статьи останавливается на самых значимых достижениях современных переводчиков русской классической литературы. Представлены важные теоретические и практические наблюдения, касающиеся техники перевода, даны варианты некоторых текстов на абхазском языке, на примерах которых в статье иллюстрируются самые значимые открытия и достижения переводчиков в области передачи образной системы исходного текста, ритма и размера (когда речь идет о стихотворной речи), композиции, общей тональности произведения.

Ключевые слова: художественный перевод, русская классика, абхазский язык, абхазские переводчики, мастерство перевода, теория перевода.

Информация об авторе: Владимир Константинович Зантария, доктор филологических наук, профессор, академик, Академия наук Абхазии, ул. Н. Я. Марра, 9, 384900 г. Сухум, Абхазия.

E-mail: vzantaria@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 06.08.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 28.09.2021

Дата публикации статьи: 25.12.2021

Для цитирования: Зантария В. К. Предостерегая от «академической книжности»: из истории перевода на абхазский язык русской классической литературы // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 182–197. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-182-197>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 182–197. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 182–197. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Vladimir K. Zantaria
Academy of Sciences of Abkhazia
Sukhum, Abkhazia

Cautioning Against “Academic Bookishness”: From the History of Translation of Russian Classical Literature into the Abkhaz Language

Abstract: The article examines the experience of Abkhaz translators, writers and scientists in translating Russian classics into the Abkhaz language. It is shown that literary translation in Abkhazia developed in stages and in parallel with domestic literature, becoming its integral part, revealing the potential expressive capabilities of the native language. Briefly describing the legacy of the founder of Abkhaz literature D. I. Gulia, who was engaged in the translation of liturgical literature in the early 20th century, the author dwells on the most significant achievements of modern translators of Russian classical literature. Important theoretical and practical observations concerning the translation technique are presented, variants of some texts in the Abkhaz language are given, by examples of which the article illustrates the most significant discoveries and achievements of translators in the field of transferring the figurative system of the original text, rhythm and meter (when it comes to verse speech), composition, general tonality of the work.

Keywords: literary translation, Russian classics, Abkhaz language, Abkhaz translators, translation skills, translation theory.

Information about the author: Vladimir K. Zantaria, DSc in Philology, Professor, Academician, The Academy of Sciences of Abkhazia, N. Ya. Marr st., 9, 384900 Sukhum, Abkhazia.

E-mail: vrantaria@yandex.ru

Received: August 06, 2021

Approved after reviewing: September 28, 2021

Published: December 25, 2021

For citation: Zantaria, V. K. “Cautioning Against “Academic Bookishness”: From the History of Translation of Russian Classical Literature into the Abkhaz Language.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 4, 2021, pp. 182–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-182-197>

Опыт перевода произведений русских писателей на абхазский язык — это целый, пока еще недостаточно изученный художественный пласт, заслуживающий внимания литературоведов, теоретиков перевода, специалистов по литературным взаимосвязям, и в определенной степени культурологов. Деятельность абхазских писателей-переводчиков сыграла значительную роль в еще большем сближении и углублении культурных взаимосвязей Абхазии и России, более того, этот процесс дал мощный импульс формированию художественного сознания абхазов.

На наш взгляд, было бы нелогично и методологически неверно рассматривать в отрыве друг от друга результаты достаточно плодотворной работы переводческой группы под руководством основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа, занимавшейся в начале XX в. переводом богослужебной литературы, а также достижения мастеров художественного слова, внесших весомый вклад в переложение на абхазский язык наиболее ярких образцов русской художественной литературы. Каждое из этих направлений имело свою специфическую особенность, одно дело — перевод христианской литературы, другое — сугубо художественной. Но, прямо или косвенно, они соприкасались, взаимодействовали, и ремесло перевода, его практика от этого только выигрывали, получали дополнительный импульс развития. Перевод как тончайшая область литературы совершенствовался, получал превосходную терминологическую подпитку, а семантические и структурные возможности абхазской речи заметно расширялись, обогащались. В числе богослужебных изданий начала XX в. — вышедшее в 1912 г. «Евангелие» на абхазском языке, редактором и переводчиком был сам Д. И. Гулиа. Это было неординарное событие, оказавшее достаточно сильное воздействие на процесс углубления русско-абхазских православных взаимосвязей, естественным образом служившее полезным подспорьем для формирования философского и религиозного ми-

ровоззрения абхазского этноса. По нашему мнению, также интересен и важен недавно обнаруженный факт обнаружения в Стокгольмском архиве «Евангелия» в переводе на абхазский язык Омара Беигуа, поэта, выдающегося представителя турецкой абхазской диаспоры. Работа над переводом была завершена в 1984 г. Эта информация стала известна в широких литературных кругах Абхазии благодаря молодому филологу и фольклористу Арде Ашуба. Но еще более усовершенствованный перевод «Евангелия» (как и Нового Завета в целом) осуществил и издал уже в наши дни известный абхазский поэт, переводчик Мушни Ласуриа.

Дмитрий Гулиа и его соратники Самсон Чанба, Иуа Когониа, Михаил Лакербай, Дзадз Дарсалиа, Мушни Хашба, Иван Папаскир и др., закладывая духовные и эстетические основы нарождавшейся абхазской художественной литературы, достаточно последовательно занимались переводами на абхазский язык произведений А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова и ряда других выдающихся мастеров слова. Под пером талантливых, высокообразованных абхазских писателей русская классика становится органичной частью национального художественного мышления. Примечательно, что Д. И. Гулиа не представлял себе свою энергичную и многогранную просветительскую деятельность без совмещения изучения абхазских художественных ценностей с осмыслением достижений великой русской литературы. Значительным явлением стало вышедшее отдельной книгой в 1940 г. «Слово о полку Игореве» (перевод с древнерусского на абхазский язык с сохранением стилистических особенностей этого памятника древнерусской литературы и словесности был выполнен Д. И. Гулиа в соавторстве с поэтом-переводчиком Михаилом Гочуа).

Начиная с 1930–1940-х гг. работа по переводу русской поэзии, прозы, драматургии на абхазский язык отмечена печатью более высокого качества и профессионализма. Наиболее яркие достижения в этом плане принадлежат перу абхазского поэта Баграта Шинкуба. Он блестяще перевел стихотворения Пушкина «Цветок», «Я пережил свои желания», Лермонтова «Узник», «Утес», отдельные лирические произведения Некрасова. Судя по тому, насколько глубоко и утонченно представлен переводчиком драматизм переживаний лирического героя в вышеупомянутых стихотворениях поэтов складывается впечатление,

будто они изначально были созданы на абхазском языке. Такие оценки нередко слышны не только из уст абхазских литераторов, но и многих читателей. Вот, в частности, как звучат на абхазском языке, первые две строфы стихотворения Пушкина «Я пережил свои желания...»:

Стаххарақәа схызгеит, изит,
Сацәыхьшәашәеит сгәы зызхьуаз.
Агәақрақәа сзымәахьцит,
Сгәы тацәит — уи ауп инхаз.

Слахьынцакәзар, ҕшатлакә цәҕбала
Ишәтуаз арканзеит сҕара.
Сазәуп, ськоуп лахьейкәрала,
Сыпшуп: иааирушь сьҕәхәара?.. [Шинкуба: 404]

И даже не знающий абхазского языка, не посвященный в его таинства, не может не почувствовать определенного соответствия перевода форме оригинала, его синтаксическим особенностям, стилистическим нюансам, подчеркнутым элегическим интонациям, навеянным размышлениями лирического героя о превратностях судьбы. Опыты Б. Шинкуба по переложению на абхазский язык ярких образцов лирики Пушкина могут служить своеобразным подтверждением мыслей Бориса Пастернака, связанных со скрытым (внутренним) взаимодействием художественно воспроизводимого и воспроизведенного: «Отношение между подлинником и переводом должно быть отношением основания и производного, ствола и отводка. Он должен быть плодом подлинника и его историческим следствием» [Пастернак: 179].

Значительный вклад в развитие художественного перевода внес признанный мастер поэтического слова Мушни Ласуриа. Его долгая, кропотливая работа над переводом романа в стихах «Евгений Онегин» — энциклопедии русской жизни — увенчалась успехом. Перевод был издан отдельной книгой в 1969 г. в Сухуме. А в 2017 г. роман «Евгений Онегин» увидел свет уже в двуязычном издании (на русском и абхазском языках), вышедшем в издательском доме «Звонница». Мушни Ласуриа смог сохранить не только образную систему, художественно-стилистические особенности великого произведения, но и, насколько это было возможно, его форму — структуру онегинской

строфы, в основу которой был положен сонет — 14-строчное стихотворение с определенной рифменной схемой. Необходимо отметить, что первоклассный перевод поэм Лермонтова «Мцыри» и «Демон» также принадлежит перу Мушни Ласуриа. На мой взгляд, о них следует говорить не только как о фактах истории абхазской художественной культуры, но и как о событийных явлениях, способствующих расширению культурно-информационного пространства между Абхазией и Россией.

В кратком обзоре и оценке достижений художественного перевода следует отметить, что в его практике немало интересных примеров того, как несколько абхазских переводчиков достаточно успешно соперничали в воспроизведении на родной язык одного и того же произведения русского классика. В частности, Чичико Джонуа, Владимир Цвинариа, Таиф Аджба в разное время занимались переводами на абхазский язык стихотворения Пушкина «Зимний вечер».

На наш взгляд, у каждого из переводов — свои преимущества и достоинства. Однако мастер абхазского художественного слова Чичико Джонуа превзошел своих собратьев по переводческому цеху тем, что смог представить абхазский вариант вышеупомянутой знаменитой вещи Пушкина в очень простом, доступном, легком для восприятия звучании, сохранив при этом смысловое ядро образов, колорит стихотворения и ритмическую структуру стиха:

Асытэхэа еимаџны жэџан ачыџуеит,
 Анаатэ џынтуеит цэкэыргџацас,
 Зны гыгшэыгџас икыу-цэыуеит,
 Зны икџаасуеит уи хэычџас!

Зны аџныжэ ахыб иахыџуеит,
 Ачаз хэархэаруеит, хыла инас,
 Зны, абан, ахышэ иазыџуеит,
 Амџа икџахаз џыуаџцас! [Джонуа].

Сохраненный в переводе пушкинский ритмический рисунок настолько естественен, что в нем не ощущается никакой рукотворности и схематичности, какого-либо стремления переводчика любой ценой достичь эквиритмичности воспроизведения текста. И в этом — сила

перевода, производящего впечатление «жизни, а не словесности» [Пастернак: 190].

Виртуоз абхазского стиха Таиф Аджба, в процессе переложения на абхазский язык стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных», избегая калькированного перевода некоторых пушкинских слов, выражений, фраз, нашел весьма удачные их абхазские аналоги и добился, не в ущерб контексту, достаточно самобытного воспроизведения их глубокого смысла.

Все это лишний раз убеждает нас в том, что в такой весьма деликатной сфере, как художественный перевод, чрезвычайно важен фактор полноценного взаимодействия таланта и мастерства. Именно такой подход не дает проявиться в процессе перевода следам дешевого ремесленничества и излишней стилизации.

По нашему мнению, заслуживают высокой оценки переводы лирических стихотворений С. А. Есенина, обретших вторую жизнь в абхазской поэзии, благодаря яркому переводческому таланту Дениса Чачхалиа — известного поэта, драматурга, историка. Достаточно успешно он поработал над переложением на родной язык ряда лирических произведений не только Есенина, но и Ф. И. Тютчева, А. А. Блока, А. А. Ахматовой, М. Цветаевой, И. Л. Сельвинского. В случае со стихами Есенина мы имеем дело с примером очень тонкого подспудного взаимодействия незаурядного дарования поэта с его уникальными переводческими возможностями. Приведем в пример фрагмент перевода на абхазский стихотворения Есенина «Клен ты мой опавший»:

Бъыда икѣхаз сынча, цааи си идырчалаз,
Сара сеипъщѣкѣ зхала адунеи ианхалаз...

Уаазгазеи, рыцѣа, аблахкыгама убама?
Баша акыта уалцны, пѣшак науурсыц уаама?

Чарак ахьтѣ аѣныка ущѣоз хыма-пѣсыма,
Умѣа уахнагама? Сынча, уѣнасыма?... [Чачхалиа: 210].

Это один из тех образцов художественного перевода, когда переводчик стремится достичь близости к оригиналу не путем «дословной точности», а за счет воспроизведения духовной, чувственно-эмоцио-

нальной и мелодической первоосновы стиха. А такой перевод может служить по большому счету целям воплощения двуединой задачи: приобщения абхазской читательской аудитории к эстетике русского поэтического слова и популяризации самой абхазской художественной речи посредством ее умелой адаптации к достижениям другой национальной культуры. И в этом случае абхазская литература испытывает на себе то, что Фазиль Искандер метафорично называл «межнациональным перекрестным опылением».

Д. К. Чачхалиа сумел внутренне преодолеть психологический барьер, связанный с мнением о невозможности воспроизведения очарования и обаяния есенинской строки. А за этим следует своеобразный акт художественного перевоплощения и трансформаций, приводящий в конечном итоге к желаемому результату — к воссозданию абхазского образа есенинского мироощущения. Именно такими воспринимаются переводы жемчужин русской лирики XX в., какими являются «Не жалею, не зову не плачу...», «Отговорила роща золотая». Стихотворение «Хороша была Танюша...» — как известно, одно из наиболее драматичных лирических произведений Есенина раннего периода. Любовные страсти, описанные в нем, их коллизия, переданы с утонченно-своеобычной есенинской манерой, неповторимым слогом, что в целом сложно даже представить себе их возможный перевод на абхазский. Однако Д. Чачхалиа справился с этой задачей блестяще, придав развитию сюжета и образов абхазские этнографические очертания.

Художественный перевод в Абхазии, если рассматривать его в контексте творческого процесса в целом, никогда не занимал второстепенное место. Он развивался поэтапно и параллельно с отечественной литературой, становясь ее составной частью, раскрывая потенциальные выразительные возможности родного языка. Абхазскими мастерами был выполнен большой объем работы, пополнивший богатый и многообразный переводной фонд. Наиболее значимыми стали такие талантливо воспроизведенные творения, как «Герой нашего времени» Лермонтова (переводчик Артем Амкваб), «Горе от ума» Грибоедова (переводчик Геннадий Аламиа), «Преступление и наказание» (отдельные главы) и «Белые ночи» Достоевского (переводчик Алексей Гогуа), «Борис Годунов» Пушкина (переводчик Леварса Квициния), «Медный всадник» Пушкина (переводчик Платон Бебиа), «Война и мир» Л. Толстого (отдельные главы) (переводчик Я. Чочуа), «Вишневый сад» Чехо-

ва (переводчик Владимир Цвинариа), «Хаджи-Мурат» Л. Толстого (переводчик Мушни Хашба), «Снегурочка» А. Островского (переводчица Нелли Тарба), «Бросок на юг» Паустовского (переводчик А. Джениа). Также видным абхазским поэтом и переводчиком Геннадием Аламиа блестяще озвучены на абхазском языке маленькие трагедии Пушкина («Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь»).

Примечательно, что «Пир во время чумы» Пушкина переведен на абхазский язык в разное время поэтами Геннадием Аламиа и Гундой Квициния. Представляет определенный интерес для истории абхазской литературы и сравнительного анализа факт перевода на абхазский язык «Скупого рыцаря» Пушкина тремя абхазскими поэтами: Леварсой Квициния, Николаем Квициния и Геннадием Аламиа. На наш взгляд, заслуживают высокой оценки переводы поэмы А. Блока «Двенадцать» (переводчик Т. Аджба) и стихотворения «Скифы» (переводчик Д. Чачхалиа). В переложении на родной язык они не утратили своего выстраданного драматизма, философской глубины, художественной самобытности.

К категории наиболее удачных следует отнести по ряду художественно-стилистических и языковых критериев переводы повестей Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», Тургенева «Первая любовь», «Ася», повестей, рассказов Бунина «Митина любовь», «Кавказ», «Натали» «Ганская Галя», выполненные известным абхазским поэтом, прозаиком, переводчиком Николаем Квициния.

Значителен вклад в развитие художественного перевода писателей Ивана Тарба, Алексея Джонуа, Шалвы Цвижба, Георгия Гублиа, Кумфа Ломиа, Константина Герхелиа, Джумы Ахуба, Платона Бебиа, Нелли Тарба, Бориса Гургулиа, Терентия Чаниа, Мушни Микаиа, Сарииона Таркил, Анзора Мукба, Виталия Амаршан, Дениса Чачхалиа, Даура Зантара, Валерия Касландзия, Инны Хашба, Р. Ласуриа, Анатолия Лагулаа, Гунды Квициния и Гунды Сакания, Г. Адлейба.

Также заслуживает достойного внимания переводческая деятельность Леварсана Касландзия, Ясона Чочуа, Хухута Бгажба, Михаила Бгажба. Им принадлежат переводы достаточно известных произведений Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и других русских классиков. Особый интерес проявляют абхазские писатели-переводчики к творчеству Чехова. На наш взгляд, это можно объяснить психологизмом рассказов, повестей писателя, глубиной под-

нимаемых им общечеловеческих проблем. В числе удачно переведенных произведений Чехова, достаточно колоритно вписавшихся в художественную культуру Абхазии упомянем следующие: «Смерть чиновника», «Человек в футляре», «Хамелеон», «Тоска», «Горе», «Мужики», «Унтер Пришибеев», «Ванька» и другие. Всего около 20 рассказов, опубликованных в разные периоды на страницах национальных литературных изданий. Авторами переводов, сумевших раскрыть тайны волшебства чеховского художественного феномена абхазскому читателю, являются Д. Ахуба, С. Таркил, Х. Бгажба, В. Маан, Н. Хашиг. Примечательно, что еще в 1920 г. абхазский прозаик, драматург Дзадз Дарсалиа по мотивам рассказа Чехова «Зубной врач» написал одноименную одноактную комедию. Еще одним основанием, побудившим абхазских авторов проявить трепетный интерес и внимание к творчеству Чехова, на наш взгляд, является факт его пребывания в Абхазии (в 1888 г.). Под впечатлением посещения Абхазии Чехов 25 июля 1888 г. пишет из Сухума: «Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре “Новый Афон”, а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Всё ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное — горы, горы и горы без конца и краю... Сижу я сейчас на балконе, а мимо прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов; через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темно-синее море... Если бы я пожил в Абхазии хоть месяц, то думаю написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря, с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать...» [Чехов 2: 302]. Искреннее внимание русского классика к Абхазии, на наш взгляд, не может не воодушевлять абхазских писателей и переводчиков на еще большее сближение с ним, на переложение на абхазский язык не только его прозы, но и наиболее известных драматических произведений.

Многие крупные драматические произведения русских писателей, в том числе Гоголя, Островского, Чехова, Горького в разное время получили яркое сценическое воплощение и входили в репертуар Абхазского государственного драматического театра им. С. Чанба. Сохранилась рукопись перевода на абхазский язык «Мертвых душ» Гоголя, выполненного видным просветителем, педагогом и детским писателем Платоном Шакрыл.

Интересен факт перевода стихотворения К. Симонова «Жди меня» несколькими абхазскими авторами: Б. Шинкуба, Г. Гублиа, В. Касландзиа. Продуктивным видится нам исследование на основе сравнительного анализа опытов перевода с русского на абхазский язык стихотворения А. Блока «Девушка пела в церковном хоре» (переводчики: Г. Аламиа, Т. Аджба, В. Зантариа).

Отличаются высоким профессиональным уровнем, умением сохранить смысловую первооснову и сквозное воздействие образов в тесной увязке с логической конструкцией произведений переводы ярких образцов русской классической поэзии, осуществленные признанным мастером художественного слова, известным абхазским литературоведом Вл. Цвинариа. Он долгие годы работал над переложением на родной язык лирических произведений Пушкина, Лермонтова, Фета, Некрасова, Тютчева, Блока, Ахматовой и ряда других авторов. В числе наиболее удачных воспроизведений — стихотворение Пушкина «Пророк». В каждой строке его абхазской версии, созданной В. Цвинариа, ощутима тонкая грань взаимопроникновения формы и содержания стиха, а также семантическая нагрузка каждой фразы. Язык переводчика достаточно прост, но в то же время он соразмерен высокому уровню философско-мифологической энергии стиха Пушкина.

Также нам хочется поделиться мыслями о собственном переводческом опыте. В первую очередь следует сказать о том, что побудило автора данной статьи взяться за перевод того или иного произведения. По нашему мнению, нет смысла браться за переложение на родной язык вещи, которая не волнует переводчика как творческую личность. Произведение должно притягивать своей глубиной, образностью, живописностью, каким-то завораживающим звучанием, новизной, необычностью формы, стиля. Некие такие моменты и мотивы подталкивают к переводу той или иной вещи.

Отдельно хочется остановиться на нашей достаточно результативной работе над переводом одного из лирических шедевров Лермонтова «Узник». Прежде всего, отметим, что в произведениях Лермонтова переводчиков привлекают, прежде всего, сила духа поэта, могущество воли и страстей, напряженный психологизм произведений, некое романтическое двоемирие выдающегося лирика. Не случайно В. О. Ключевский отметил, что поэт «создавал грусть, как поэтическое настроение».

Прежде чем приступить к переводу «Узника», важно внимательно вчитаться в него, вникая в каждую строку, вживаясь в судьбу лирического героя-узника, для которого свобода становится недостижимой мечтой, осмысляя образы. «Образное мышление представляет собой непрменный элемент искусства слова, именно благодаря ему создается художественная действительность, в которой слово, главная составляющая литературы, ее первоэлемент, оказывается не тождественным слову в обыденном, повседневном употреблении. Образность всегда присуща человеческому мышлению, необходимость передать ее возникает при переводе любого текста, даже научного. Для художественного перевода, т. е. для передачи на другом языке произведения искусства, всегда субъективного, понятие «творческая индивидуальность переводчика» имеет первостепенное значение» [Алимова: 48]. Переводя стихотворение, необходимо избегать буквализма, сохраняя при этом контрастность лирических переживаний, композицию, основанную на антитезе, т. е. на несовместимости оптимизма лирического героя в начале стихотворения с его безысходностью уже финале произведения. При этом важно придать некоторое значение отголоскам автобиографичности (автопсихологичности) данной вещи. Ведь известен факт, что Лермонтов отбывал свое наказание в тюрьме за еще более известное стихотворение «Смерть поэта», созданное по поводу гибели Пушкина. Как правило, осознание ситуации, в которой оказался поэт, ее мысленное проживание помогают найти ритмический ключ к воспроизведению текста. Стихотворение Лермонтова написано четырехстопным хореем: к авторскому ритмико-интонационному строю и нужно стремиться переводчику оригинала.

Мысль и звуковая инструментовка должны составлять единое целое, по крайней мере, этого требуют устоявшиеся классические формы. Еще и потому, что такая соразмерность диктуется состоянием души поэта, его глубоко выстраданными переживаниями. Н. А. Заболоцкий справедливо отметил, что должна быть соблюдена тонкая грань, когда речь идет о взаимообусловленности оригинала и перевода произведения: «Перед переводчиком две чаши весов: первая принадлежит автору оригинала. Вторая — читателю перевода. Перевод будет хорош в том случае, если чаши весов не выйдут из равновесия» [Заболоцкий: 426].

Автором данной статьи подготовлен перевод «Узника», звучание которого, по нашему мнению, тоже несет в себе определенную эстети-

ческую нагрузку, дающую общее представление о том, как абхазский язык воспринял исповедь Лермонтова, которому, как известно, не был чужд кавказский (горский) менталитет:

Нас сытшэыжь, сытшэыжь абахта,
Мыш лашарак са ишэырба.
Аблеикэара дцэырцып сѣагыъа,
Ицэырцып сѣагыъа аеиикэа.
Аугышэыл ззырхэо са сналгылап,
Аѣыццышэ снакэтэап нас сласза,
Адэеиужь сееиуастэып зынза... [Зантария 2014: 387].

Не менее интересной является проблема перевода философской лирики, к примеру, наделения абхазскими чертами и свойствами космогонических воззрений Ф. И. Тютчева. Так, при работе над переводами сложных и идейных стихотворений Тютчева важно учитывать мистицизм поэтического мышления Тютчева, хотя даже скрупулезный перевод всегда рождает в авторе его некоторое сомнение: лексические образные системы текстов перевода и оригинала не могут быть идентичны, и это вполне закономерно и нормально. Самое главное, чтобы в процессе перевода не были утрачены стержневые образы, сквозная линия стихотворения не пострадала в результате допущения некоторой вариативности:

Еицакра зкэым асаат абжы,
Атх ауаз ахэоит иаашанза.
Итэым бызшэоуп уи зеггы рзы,
Зны халамысеипыш еилкааханза!

Гэырѣада иазызырѣхьада, ишэхэа,
Идунейтэу аѣаха-ѣымтра иналак,
Хаамта итахэаѣу агэала,
Иахѣеипышу хазхэо ацэхэа?... [Зантария 2006: 107].

Значительное внимание было уделено нами переводу знаменитого и весьма лаконичного философского стихотворения Тютчева «Последний катаклизм», состоящего всего лишь из одного четверостишия.

Когда пробьет последний час природы,
 Состав частей разрушится земных:
 Всё зримое опять покроют воды,
 И божий лик изобразится в них! [Тютчев 1: 22].

Переводчику важно уловить сквозную мысль гениальной лирической миниатюры, тонкое сочетание апокалипсичности духа и мифологизированного «изображения возможности нового акта сотворения жизни», и здесь символ воды, выступает, скорее всего, как источник обновления, возвращения к божественному первоначалу. Благодаря интерпретации стихотворения на абхазском нам удалось воплотить ключевую в произведении Тютчева вселенскую идею:

Ацыхэтэантэи асаат анаилакь аҕсабараҕ,
 Еимышэшэашт хадгьыл злеибаркыу ахэтакәа.
 Бла иамбо зегь хнаашт амшын — цәкәырҕара,
 Хахь икоу илаҕш рхылап нас азкәа! [Зантария 2014: 390].

Работа автора статьи над переводами русской поэзии XIX–XX вв. показала, что переводчик должен добиваться, насколько это возможно, близости к оригиналу, но при этом не сковывать себя самоцелью, изначальной заданностью. Русский стих в результате его воспроизведения на абхазский язык должен восприниматься абхазским читателем, как нечто родное, обогащенное лексическими пластами своего языка.

На нынешнем этапе интерес к художественному переводу в Абхазии не ослаб, а, наоборот, усиливается. Наметившаяся тенденция такова, что абхазские писатели сосредоточивают свои усилия преимущественно на переложении малых жанров прозы, на озвучивании не только классических произведений, но и современных авторов. По-прежнему стимулирующую роль в переводческом процессе продолжает играть Абхазский театр, который пытается восполнить пробелы национальной драматургии за счет перевода ярких драматических произведений зарубежных авторов. Значительное внимание уделяется переводу на родной язык русской детской литературы. Здесь деятельность абхазских переводчиков характеризуется серьезными наработками и достижениями.

Сложно не согласиться с тем, что «во взглядах на художественный перевод от древности до наших дней прослеживается противоборство

двух тенденций: ориентация на текст подлинника и ориентация на восприятие своего читателя...» [Литературный: 273]. Каждый переводчик понимает и необходимость некоторого условного «скрещения этих тенденций». Многовековой опыт художественного перевода достаточно убедительно демонстрирует, что поиск некоей золотой грани между разными направлениями и концепциями, приводит к желаемому результату: сохранению «национального и индивидуального своеобразия» переводимого произведения.

Список литературы

Источники

- Джонуа Ч. Азын хэылбыгеха // Алашара (Свет). 2015. № 2. С. 106–107.
Зантария В. К. Избранное. Сухум, 2014. 480 с.
Зантария В. К. Осколки Вадзамакиата. Сухум, 2006. 134 с.
Ключевский В. О. Грусть // Русская мысль. 1891. С. 1–18.
Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 750 с.
Пастернак Б. Л. Мой взгляд на искусство. Саратов: Саратовский ун-т, 1990. 282 с.
Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. М.: Наука, 1966.
Чачхалия Д. К. Поэзия отражений. Переводы. М.: АКВА-Абаза, 2019. 304 с.
Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.
Шынкэба Б. У. Иалкаау. Ө-томкны. Актэи атом: апоезиатэ рѐиамтакэа, аитагакэа (Шинкуба Б. В. Избранное: в 2 т. Т. 1: Поэтические произведения, переводы). Акэа: Апхэынтшэкэтыжырта, 2017. 496 д.

Исследования

- Алимова М. В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 47–52.
Заболоцкий Н. А. Заметки переводчика // Перевод — средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. С. 312–438.

References

Alimova, M. V. “Osobennosti i osnovnye kriterii perevoda khudozhestvennogo teksta” [“Features and Main Criteria for Translating Literary Text”]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, no. 2, 2012, pp. 47–52. (In Russ).

Zabolotskii, N. A. “Zametki perevodchika” [“Translator’s Notes”]. *Perevod — sredstvo vzaimnogo sblizheniia narodov* [Translation as a Means of Mutual Rapprochement Between Peoples]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 312–438. (In Russ).